

1

п1

543

1929 №1

43

ВОЛЯ РОССИИ

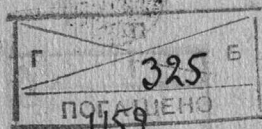
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ПОЛИТИКИ И КУЛЬТУРЫ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. И. ЛЕБЕДЕВА,
М. Л. СЛОНИМА,
Е. А. СТАЛИНСКОГО,
В. В. СУХОМЛИНА

8-ой ГОД ИЗДАНИЯ

I

ЯНВАРЬ

ПРАГА

1929

Содержание :

Василий Федоров. — Микита Скрипач	3
Борис Поплавский. — Литературный ад. — Dei irai. — Я помню лаковые крылья экипажа. (Стихотворения)	23
Глеб Гонцов. — Снова по родной земле. (Путевые впечатления незаконного)	27
Проф. И. Лапшин. — «Бессознательное» в научном творчестве ..	40
Ек. Кускова. — Из прошлого и современности. (Публицистиче- ские очерки)	58
В. В. Сухомлин. — Политические заметки: государство и класс	70

Славянский обзор:

Н. Еленев. — Изобразительное искусство в Чехии	84
--	----

Иностранная жизнь:

Р. Мак-Дональд. — Внутрен. и внешняя полнотка Рабочей Партии	97
--	----

Среди книг и журналов:

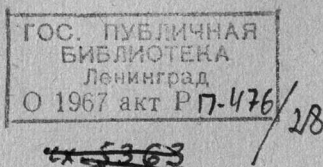
М. Сл. — Обзор журналов	109
-------------------------------	-----

Литературная хроника:

В Р о с с и и: Борьба с «правизной» в литературе. — Новая кни- га Эренбурга. — Стихи Э. Багрицкого. — Против Ремизова	116
З а р у б е ж о м: Бунин молодым писателям. — Новая книга М. Алданова. — «Новый Корабль». — Споры пушкинистов. — «Кочевье». — Евразийский лес. — Вопрос В. Ходасеви- чу. — Литературные задворки	119
И н о с т р а н н а я л и т е р а т у р а: А. Даманская. Новая кни- га Ром. Роллана. — Мексиканская литература	128
Р о с с и к а	132

Отзывы о книгах:

Н. М. П. — А. Мариенгоф. — Циники	135
В. Р. — М. Гофман. — Пушкин	136
Елена Корнева. — С. П. Перский. Швейцарские сказки для детей	138
Е. К. — Тысяча слов по английски	138

Среди книг и журналов

Обзор журналов

Повесть Леонова. — Психологизм и романтизированная биография Шкловского. — Рассказ А. Толстого. — Хроника Веры Инбер. — Н. Тихонов и А. Веселый. — «Картинки действительности». — Воронский о творчестве. — Инцидент с Тальниковым и «литературные нравы».

«Новый Мир» закончил свой год тем же писателем, каким он его начал: в декабрьской книжке напечатана новая повесть Л. Леонова «Белая ночь». Леонов, действительно, становится самым выдающимся из молодых наших прозаиков. В прошлом году вышли такие его произведения как роман «Вор», помещенные в петроградском журнале «Звезда» «Рассказы о необыкновенных мужиках», драма «Унтиловск» и повесть «Провинциальная история». Во всех вещах этого года Леонов определенно склоняется в сторону психологизма. В противоположность большинству советских писателей, ударившихся в описание вещей и событий и занятых широкими полотнами с социальным фоном, Леонов привлечен внутренним миром человека и часто берет его даже вне связи с эпохой. Несмотря на призыв коммунистических теоретиков к преодолению «индивидуалистического искусства», и их борьбу против «мелко - буржуазного копания в собственной душе», в русской литературе все сильнее намечается поворот именно в сторону «органического подхода» к человеческим переживаниям. Леонов — наиболее крупный представитель этого направления, и каждая новая вещь писателя лишь подтверждает наше мнение о степени его одаренности.

«Белая ночь» — психологическая повесть, посвященная переживаниям капитана Пальчикова, назначенного главою белой контр-разведки в каком то городке, на севере России, где идет гражданская война. Тут же и англичане, и нравы 1918 года, и описания города, в

котором нетрудно признать Архангельск, и ряд великолепно очерченных фигур. Город накануне сдачи, то дело, за которое боролись Пальчиков и его друзья — умерло, и печать обреченности и смерти на всех событиях фантастической белой ночи. И прежде всего мертвец сам Пальчиков, бесплодно и глупо растративший свою жизнь и отлично это сознающий. Холодный и надменный человек, он гниет физически и духовно, и весь мир показан сквозь отчаяние и уныние Пальчикова, сквозь его безжизненность. И его товарищи, тоже какие то марионетки с бесцельным существованием, но они не понимают этого и, одному Пальчикову даны муки мысли и ясное сознание собственной ненужности и гибели. Все, что происходит в повести — точно сон, в котором принимают реальную форму видения Пальчикова. Все события внешнего мира, как это почти всегда теперь у Леонова, определены и вызваны переживаниями героев, и даже судьба арестованных и осужденных к расстрелу меняется благодаря тем чувствам, какие овладевают Пальчиковым: он всех выпускает из тюрьмы прежде чем покончить с собою самоубийством. И точно для того, чтобы подчеркнуть болезненную раздвоенность его мысли и всю искусственность существования и его самого и его единомышленников, выведен в повести тип глуповатого мужика Кручинкина, улыбающегося как рыба, думающего о родившемся ребенке, полях и дорогах, сильным и могучем, как природа.

Опять в фантастическом мире находится читатель леоновской повести, и нет сил оторваться от этого полусна, который охватил всех героев. И самый язык произведения, размеренно лирический тоже как будто отталкивается от реалистической сжатости. Прежняя леоновская «установка» на богатство лирических эпитетов, на поэтическую образность, превращающуюся в своеобразную рамку, внутри которой отчетливее выделяется внутренняя правдивость героев и событий, в «Белой ночи» проявлена особенно сильно. Каждая деталь выписана откровенно литературно («серые афишки на заборе; словами, торжественными, как шелест складываемых знамен, горожане призывались в них к скорби о потере английского испытанного друга России»).

Порою это даже некоторая изысканность стиля, переполненного сравнениями и облеченного в торжественные литературные одежды. Это производит особенно сильное впечатление именно теперь, когда писатели норовят пройти перед читателем чуть ли не в халате. Тщательная обработанность леоновского романтического стиля в «Белой ночи» показалась мне даже более удачной, нежели в «Воре».

«Психологизмом», вероятно, объясняется и тот интерес, который проявляется сейчас в России к «романизированной биографии». Распространенность этого жанра на Западе, особенно во Франции и Англии, быть может, и оказала влияние на русских писателей, но, по-

жалуй, лишь косвенное. Занялся «рассказом о жизни» и биографическим портретом не только **И. Эренбург** в своем романе «Заговор равных» (о Бабефе), напечатанном в 11 и 12 книжках «Красной Нови», но и **Виктор Шкловский** в декабрьской книжке того же журнала. Со свойственной ему остротой, порою принимающей форму парадокса, а порою и газетно-фельетонной шутки, Шкловский описал жизнь и мысли дворянина Болотова, жившего 95 лет и оставившего «Записки» объемом в 231 печатный лист. «Записки» эти и послужили главным источником для Шкловского, хотя он вводит в свою «Краткую и достоверную повесть о дворянине Болотове» материал и из других книг, особенно при описании эпохи Елисаветы, Петра III и Екатерины II. Читается вещь с интересом, и картина нравов получается довольно яркая, равно как и фигура героя, освещенного, главным образом, его собственными поступками. Вся «повесть» выдержана в тонах иронического рассказа, столь свойственного Шкловскому, приведено множество забавных анекдотов, приправленных меткими и злыми замечаниями автора. Вот образец такого анекдота в обработке Шкловского, из главы под названием: «Глава, содержащая описание борьбы дворянства за право лежать на канаве, а также содержащая похвалу болотовскому благоразумию».

«Уже был готов новый Зимний дворец, но поле перед ним оставалось все засоренное и загороженное хибарками, избушками, шалашами и сарайчиками. Поле это простиралось почти до самой Мойки, а вдоль от Миллионной до Исааковской церкви. Для очищения всего этого дразга потребно было много времени, но генерал Корф, хотя и немец, по полицейской своей должности глубоко понимал русское сердце. Он через полицию опубликовал, что, всякий, кто хочет, может идти и брать себе безданно и беспоплино доски, обрубки, щепки камня, кирпичи, бревна. Весь Петербург точно взбеленился. Со всех улиц бежали тысячи народа. И всякий бежал без ума и без памяти, а, добежав, кромсал, рвал и тащил, что ему попадалось под руки, а урвав бежал себе домой и снова возвращался. Шум, крик, вопль, всеобщая радость и восклицания наполняли тогда весь воздух. Сам государь смотрел на сие зрелище из окна и не мог довольно находиться. И не успело пройти несколько часов, как от всего несметного количества хибарок не осталось ни одного обрубочка и ни единой дощечки. Так хорошо можно управлять городом, пользуясь характером национальным».

**
*

«Психологизм» и стремление избавиться от голого бытовизма, от преобладания материала над художественной обработкой наблюдаются теперь во всей русской литературе, даже у таких авторов, которые еще совсем недавно, стараясь «быть с веком наравне», приступали

к социальному роману, как **Ал. Толстой**. Его последний рассказ в 11-й книжке «Нового Мира», «Подкидные дураки» — неудачен, потому что перегружен он именно психологией героя, маленького человека, который вместо того, чтобы повеситься в припадке раскаяния, отправляется к соседу играть в подкидные дураки. Как всегда, не выходит у Ал. Толстого «умное»: не в уме сила этого одаренного писателя.

Даже наиболее удачные изображения революции сейчас далеки от недавнего натурализма. Милая и забавная хроника **Веры Инбер** «Место под солнцем» («Новый Мир» ноябрь - декабрь) стилизованная под наивно имажинистский рассказ, не принадлежит к большой литературе, не читается и с интересом и с легкой улыбкой: в меру насмешливо, в меру лирически повествует автор мытарства интеллигентки, боровшейся в суровые дни 1918 - 1922 года за «место под солнцем», и, наконец, обретшей его, когда начала жизнь входить в берега свои.

У В. Инбер небольшой, комнатный талант, но «Место под солнцем», справедливо названная лирической хроникой, лучшее из ее прозаических вещей. На ней сильно отразилось пристрастие автора к поэтическому словарю и чуть чуть иронической позе. Вот образцы ее стиля: «декабрь в лютой папахе сидел на тачанке; на груди его холод и голод перекрещивались, как пулеметные ленты». «Буржуйки — неприхотливые железные создания с тонкими ногами, прямоугольным туловищем и длинной шей... Самой убогой из печек, как и человека, полагалось два колена».

Стилизован и острый, сухой рассказ **Н. Тихонова**, проза которого решительно становится лучше его последних стихов. В «Шляпе и реке» («Новый Мир» 12) изображен нэпман, все свое состояние зашивший в шляпу, которая по его же собственной неосторожности попала в реку и была унесена течением. Фантастические приключения нэпмана, странные его знакомые, диковинные персонажи, встреченные им в деревне — все это рассказано в тонах нарочито неправдоподобных, шаржированных, при чем ирония автора проявляется в сюжетных положениях более, чем в характеристике героев. На рассказе видно, что гоголевская традиция в нашей литературе претерпела значительное влияние ремизовского и замятинского толка.

Опять таки стилизованным следует признать изображение гражданской войны **Артема Веселого** в повести «Партизаны», являющейся частью его большого литературного триптиха «Россия кровью умытая». В свое время в «Воле России» мы указывали, что от Артема Веселого можно многого ждать, и эмигрантские критики жестоко высмеивали эти наши слова. Однако, последовательный рост творчества Веселого показывает, что мы не ошиблись. Он стал проще и яснее, он отошел от той своей стилистической манеры, в которой он давал волю словесному озорству, тому, что мы называли «словесной метелью».

Вместе с большей сжатостью и отчетливостью пришла и большая продуманность. По прежнему лубочно резки мазки Веселого, размашист его рисунок, несколько грубовато очерчены типы, но вся картина живет, движется, передана стихия революции — хотя порою врывается черезчур натуралистические описания. Во всяком случае «Партизаны» («Новый Мир» 11 и 12) заставляют с интересом ждать появления всего романа.

К сожалению, однако, не все пролетарские писатели учатся, подобно Веселому. Большинство из них полагает, что беллетристическое изложение событий действительности и есть искусство. Подчиняясь социальному приказу, они продолжают писать бесконечные рассказы, повести и романы «на тему». В «Красной Нови», вообще значительно отставшей от живого и всегда богатого и беллетристикой и статьями «Нового Мира», напечатана скучнейшая повесть о враге советской власти интеллигенте Олеге, о стопроцентном коммунисте его брате и деревенском мальчике Мишке, становящемся сознательным комсомольцем. Неизвестно кому нужны эти олеографии.

Приходится с грустью признать, что Н. Огнев напрасно решил продолжать свой «Дневник Кости Рябцева». Первая часть «Дневника» была интересным и полезным документом, дававшим характеристику современной молодежи в России. Но чем дальше, тем скучнее становится это назойливое развертывание все того же клубка. А главное производится это слогом, при котором ощущение художественности совершенно пропадает, интерес только в фактах, преподносимых автором, а факты начинают повторяться. Уж тогда, пожалуй, предпочтительнее беллетристики более непритязательная форма путевых заметок, как, напр., печатающиеся в «Красной Нови» (кн. 12) очерки Р. Акульшина, дающие любопытные штрихи быта и психологии русской деревни и провинции. В отчетном номере рассказывается о совхозах и колхозах под Самаркандом. Тот же отдел интересен и в «Новом Мире», где особенно любопытны описания окраин, порою звучащие настоящей экзотикой.

Весьма кстати А. Воронский в хорошо написанных и занятных воспоминаниях о ссылке («За живой и мертвой водой» «Новый Мир» 11 и 12) напоминает о некоторых простых истинах, которые недурно было бы усвоить пролетарским писателям и их идеологам вроде Фриче или Когана. «Разум сплошь и рядом бывает жалок, сух и бескровен, пишет разжалованный коммунистический критик. Об этом писали и Пушкин, и Толстой, и Достоевский». И задача творчества соединить разум с его первоосновой — инстинктом, природной стихией. Пропасть между разумом и внеразумным создает уродливая общест-

венная жизнь. Современное общество стремится одних лишить крепких, здоровых инстинктов, других — разума.

В сущности, в словах Воронского — косвенное осуждение метода ряда пролетарских писателей, изображающих человека не во весь рост, не в его истинной природе, а в его так сказать «социальной и партийной ипостаси». Из этого, конечно, ничего не выходит. Впрочем, это не мешает ревнителям коммунистического рационализма из всех сил бороться со всякими попытками вдохнуть живую жизнь в литературу и критически отнестись к подделкам под искусство. Для огромного большинства комкритиков и комписателей всего важнее в искусстве идеология, т. е. хорошее знание политграмоты. Остальное — менее существенно. Намерение автора, его «социальная установка», как будто дают ему право обойтись без художественности в исполнении своего замысла. Недаром сейчас пытаются вытянуть на свет божий забытых писателей второй половины прошлого столетия, как напр., Решетникова, который никакими почти художественными достоинствами не отличался. В статье о Решетникове Дивильковский («Красная Новь» 12) называет его пролетписателем начального часа, и торжественно заявляет «у него, как и у Ленина, реализм пролетарской чеканки». В чем эта чеканка — читателю не сообщается. Очевидно вскоре пролетарским писателям будет предложено учиться у Решетникова.

**

Пусть справедливо положение, что «поэт обязан быть гражданином»: ведь это отнюдь еще не означает, будто достаточно проявления своего гражданского чувства для того, чтобы стать поэтом. Трудно, казалось бы, найти в этом рассуждении крамолу и контр-революцию. А, однако, именно это произошло с критиком «Красной Нови» Тальниковым, о котором мы писали в прошлом нашем обзоре.

В остроумной и хорошей статье он высмеял советских писателей, едущих в Европу и затем приподносящих всякую околесицу в виде путевых заметок. Как рассказывает известный коммунистический фельетонист А. Зорич («Новый Мир» 12) из-за статьи Тальникова произошел целый литературный скандал, при чем обиженный на Тальникова Маяковский назвал критика «сволочью» и посоветовал ему присоединиться к белогвардейской эмиграции. Ломов высказал предложение, что Тальников контр-революционер, а редактор «Комсомольской Правды» Костров предложил «положить предел вылазкам отмирающего представителя эстетской критики». «Это уже не заборная ругань Маяковского, отмечает Зорич, не политграмотические упражнения его двойника Ломова, здесь чувствуется уже административный авторитет и строгость, и восторг: «тащи и не пушай!». Что это значит, тов. Костров, «положить предел?». Как надо расшифровать сей окрик?.. Когда Тальников попытался возразить, объясниться и от-

вести от себя угрозы, упреки и брань, — журналы отказались напечатать его вполне корректный ответ. В одном месте ему сказали, что не прочь бы «выругать» Маяковского, но не хотят «впутывать» сюда Кострова, в другом, наоборот, изъявили полную готовность спорить с Костровым, но категорически отказались «задевать» Маяковского. И ответ остался ненапечатанным». «Что же это, как же это так, восклицает Зорич: «я спрашиваю, что это за манера спорить, что это за приемы «идеологической борьбы», если вообще тут может идти о ней речь? Ведь надо же понять, какую отчаянную некультурность, какое чванство, какое неуважение к печатному слову и к личности человека и к самим себе все это обнаруживает!».

«Ишь чего захотел», подумают, вероятно, многочисленные читатели горячей статьи Зорича.

М. Сл.
